

Н.В. Быкова

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИЗМЕНЕНИЯ В ПОНИМАНИИ СИСТЕМЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. Рассмотрены вопросы трансформации понимания системы прав человека в цифровую эпоху. Исследование проведено с использованием методов юридического моделирования и прогнозирования. Отмечено, что в научной среде и сфере публичного управления отсутствуют полные представления о влиянии цифровых преобразований на изменения в правозащитных механизмах и их целесообразности. Представлены вопросы понижающего и повышающего влияния цифровизации на права человека. Смоделированы изменения в понимании гражданских прав. Сделан вывод о необходимости комплексно учитывать объективные научные знания в юридическом прогнозировании, а также реализовывать меры по адаптации правозащитных систем к цифровым реалиям, чтобы пользоваться их преимуществами, нивелируя негативные воздействия.

Ключевые слова: права человека, конституционные права, цифровизация, цифровые трансформации, информационные права, право на труд, юридическое прогнозирование, профессия юриста.

N.V. Bykova

IMPACT OF DIGITALIZATION ON CHANGES IN UNDERSTANDING THE HUMAN RIGHTS SYSTEM

Abstract. The paper addresses the issues concerning transformation of the human rights system understanding in the digital age. The study was conducted using the methods of legal modeling and forecasting. It is noted that in the scientific community and the field of public administration, there is probably no complete understanding of the impact of digital transformations on changes in human rights mechanisms and the appropriateness of application. The paper dwells on the questions of the decreasing and increasing influence of digitalization on human rights. Changes in the understanding of civil rights are modeled. It is concluded that it is necessary to comprehensively consider objective scientific knowledge in legal forecasting, as well as to implement measures to adapt human rights systems to digital realities to enjoy their advantages, and levelling their negative impact.

Keywords: human rights, constitutional rights, digitalization, digital transformations, information rights, right to work, legal forecasting, legal profession.

Актуальность настоящего исследования заключается в необходимости полного учета и всестороннего анализа влияния цифровых трансформаций на аспекты правовой жизни, в числе которых на первый план объективно выходит вопрос о правах человека, их гарантиях и механизмах защиты. Цифровизация не только расширяет возможности социального развития,

но и повышает некоторые критические уязвимости. Цифровые трансформации модифицируют общие подходы к восприятию объективной реальности, смещают акценты в социальной философии, в вопросах морали и этики [1, с. 70]. Влияние цифровых трансформаций на отдельные права человека не поддается сомнениям; в настоящей публикации с применением

Быкова Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Российский новый университет, Москва. Сфера научных интересов: права человека, цифровизация права, конституционное право. Автор более 10 опубликованных научных работ.

Электронный адрес: bykova_natasha@mail.ru

методов юридического моделирования и прогнозирования оценены перспективные изменения в понимании и восприятии системы прав человека наукой, государством и обществом в ходе дальнейшей эволюции цифровых отношений.

Цифровизация, безусловно, радикально меняет контуры общественного бытия и потому не может не влиять и на систему прав человека, гарантий их реализации. В зарубежной практике была найдена меткая метафора для обозначения актуальных перемен, которые названы «четвертой индустриальной революцией». Вопрос о порядковом номере индустриальной революции следует оставить экономистам и специалистам по техническому развитию – символичным является выбор цифры, отсылающей также к цифровому поколению современных коммуникаций (web 4.0), имеющей устойчивые ассоциации с цифровым компонентом, по меньшей мере – у представителей молодежи.

А.Т. Карасев, О.А. Кожевников, В.А. Мещерягина справедливо утверждают, что в числе конституционных прав индивида, затрагиваемых процессами цифровизации, на первый план выходят «право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени; право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме; право на обращение; право на образование»

[2, с. 100]. Анализ перечня позволяет говорить о том, что цифровизация по меньшей мере влияет на трансформацию механизма реализации указанных прав, причем необязательно в негативном ключе, по крайней мере в теоретическом аспекте. Так, например, цифровизация повышает доступность образования, пусть даже ее влияние на качество образования остается вопросом дискуссионным [3, с. 52].

Возникают вопросы о том, насколько полным является данный перечень, имеется ли дифференциация по степени влияния цифровизации на рассматриваемые конституционные права, все ли факторы учтены при оценке, не имеется ли правозащитных областей, цифровое воздействие на которые менее очевидно, но так же существенно, и др. На наш взгляд, на поставленные вопросы следует смотреть несколько шире, чем это делают ученые-исследователи и отдельные представители публичной власти. Когда речь идет о деятельности последних, возникают обоснованные сомнения в том, что ответственные работники органов государственной власти в полной мере осознают фактический масштаб тех цифровых трансформаций в обществе, которые по той или иной причине остаются скрытыми от официальных статистических наблюдений. Например, непоименованные специалисты Банка России в докладе для общественных консультаций «Риски криптовалют и возможные меры регулирования» за январь 2022 года [4, с. 12] утвер-

ждают, что криптовалюты не являются средством платежа, что не вполне соответствует действительности даже с формально-юридической точки зрения. Во-первых, отсутствие нормативных дозволений рассматриваться криптовалютами автоматически не исключает широкой распространенности подобных действий, которые разве что могут квалифицироваться в качестве противоправных. Во-вторых, достаточно лишь поверхностного анализа материалов, представленных в средствах массовой информации, чтобы выяснить, что объемы платежей криптовалютами с участием российских субъектов стремительно растут, в том числе для осуществления трансграничных переводов в условиях санкций. Наличие научных знаний о природе криптовалют окончательно развеивает сомнения в их назначении как платежного средства: подобная интенция была положена в основу формирования и развития криптовалют с самой первой из них – биткойна [5].

Из сказанного может быть сделан вывод о том, что перечень трансформаций общественных отношений под влиянием цифровизации, а также, безусловно, и затрагиваемых ими прав вместе с механизмами обеспечения требует уточнения, в том числе с привлечением максимально объективной информации о процессах цифровизации с учетом научных данных из смежных областей.

Более глубокий анализ показывает, что из реально уязвимых конституционных прав в цифровую эру выделяется право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а также информационный аспект ряда смежных конституционных прав, включая право на обращение граждан. Информационная уязвимость, противоречивая анонимность – имманентные характеристики тех перемен, к которым приводят цифровые новации [6].

С учетом характера технологии распределенного реестра – ключевой, если вообще не системообразующей цифровой инновации, – обеспечить защиту охраняемых данных в целом ряде сфер общественной жизни будет очень непросто. По всей видимости, изменится восприятие прав, связанных с банковской, нотариальной тайной; институт коммерческой тайны также вынужденно претерпит преобразования. Другие риски связаны с защитой информации от технологических сбоях и нарушений целостности ввиду намеренного вмешательства. В данном контексте будет действовать правило: чем больше актов общественных отношений перейдет под цифровое управление, тем более масштабными окажутся связанные с ними цифровые риски. С принятием соответствующего тезиса, как отмечается в исследовании Э.Л. Сидоренко и П. фон Аркса [7], могут быть модифицированы механизмы защиты отдельных гражданских прав – налицо потребность в переходе к гибким механизмам – от предоставления безусловных гарантий к доработке и возвышению института компенсации причиненного ущерба. В результате, например, граждане в обозримом будущем могут не быть уверенными в неприкосновенности информации о частной жизни, однако им будет гарантирована надлежащая компенсация за нарушение данного права, даже неумышленное. Хотя представленная позиция имеет дискуссионный характер, нельзя не согласиться с тем, что, вероятно, расходы на превенцию нарушения такого права в цифровую эру превысят расходы на компенсацию ущерба и не окажут положительного влияния на укрепление защищенности информационных прав.

В сферу цифровых рисков потенциально попадает право на труд и гарантии занятости / защиты от безработицы. Цифро-

визация, безусловно, окажет радикальное влияние на ключевые общественные отношения – соответствующие тенденции очевидны уже сейчас, хотя преувеличивать их значимость не следует. Соглашаясь с представителями форсайта умеренного толка [8], следует отметить, что актуальные перемены в общественных отношениях, связанные с цифровизацией, едва ли формируют даже в отдаленном масштабе перемены будущего, которые произойдут по прошествии нескольких лет после того, как в общественном воспроизводстве будет перейден критический рубеж в 50% создания валового продукта цифровой индустрией. Безусловно, как это неоднократно имело место в экономической истории, индустриальная революция существенно меняет уклад занятости (потому и именуется революцией). Опасения представителей многих профессий (от продавцов и маркетологов, юристов и дизайнеров до операторов сложной промышленной техники), что их профессии потеряют спрос или попросту исчезнут, имеют основания. Однако функция государства в сфере труда и занятости от этого не поменяется – по-прежнему будет необходимо активно заниматься созданием новых рабочих мест или компенсацией потерь от безработицы, возможно, с большими усилиями и по нестандартным направлениям. Причем уже сегодня видны контуры востребованных профессий будущего. Так, на смену юрисконсультам могут прийти консультанты по выбору стандартов и протоколов реализации распределенного реестра, например, для исполнения «умных контрактов». Тем самым «умные контракты» не уничтожат юриспруденцию, как можно было бы предположить [9], а лишь радикально трансформируют требования к юристам. Например, юрист-цивилист должен будет стать экспертом в сфере цифровых алго-

ритмов, однако и ранее без дополнительных знаний в сфере экономики добиться успехов, скажем, в сфере хозяйственного права было практически невозможно. Выбор применяемого стандарта с учетом положительных и отрицательных сторон отношения регулятора, возможных рисков, исходящих от стейкхолдеров цифровой архитектуры, – процесс, напоминающий решение правоприменительных вопросов. А учет альтернативных сценариев принятых решений в чем-то похож на использование коллизионных привязок в международном частном праве. Новый юрист будет несколько другим; возможно, профессия будет именоваться иначе, однако требования к компетенциям будут структурированы в схожих направлениях, и те, кому не будет места в юриспруденции будущего, могут занять лакуны в новых смежных специальностях [10]. При этом работникам многих профессий, включая юристов, можно рекомендовать уже сегодня начинать подготовку в области развития цифровых компетенций, а государству – активнее воздействовать на трансформации образовательных программ и форсировать пропаганду и распространение цифровых знаний среди населения.

Выходя на более общий уровень научной абстракции, можно констатировать, что в цифровую эпоху может трансформироваться максимально широкий спектр собственно социально-экономических прав и их общественного восприятия – вслед за радикальными преобразованиями в данных сферах общественных отношений.

Несмотря на разнообразные картины будущего при цифровизации, существуют сферы правозащитной деятельности, которые цифровизация никак не должна затронуть с понижающим воздействием. Речь идет о фундаментальных правах гражданина, начиная с права на жизнь. Сле-

дует отметить, что цифровые технологии сами по себе нацелены на конструктивную поддержку социального прогресса, а не на деструктивное вмешательство в существовавшие отношения. Апокалиптические прогнозы по типу «войны человека и машин» пока не представляются оправданными, при этом они возникали намного ранее, при предыдущих этапах индустриальной революции, и никак не реализовались.

Напротив, цифровые технологии должны быть настроены на максимальную фасилитацию правозащитной деятельности. В частности, анализируя большие данные и привлекая искусственный интеллект, можно на основе систематического исследования массива публикаций в средствах массовой информации выявлять реальные нарушения прав человека и применять меры оперативного реагирования. Представления о содержании периодических докладов по правам человека, составленных с учетом результатов цифрового анализа, не могут не вызывать сдержанного оптимизма и надежды на реальный прогресс в области поддержания хотя бы

минимальных стандартов во всех странах мира. Можно привести другой пример: цифровые средства визуального контроля за общественной безопасностью могут радикально снизить уровень преступности (совершение ряда противоправных деяний окажется бессмысленным), тогда защищенность ряда конституционных прав, включая право на жизнь и здоровье, неприкосновенность собственности, существенно повысится.

Таким образом, цифровизация неизбежно повлияет на трансформации в системе общественных отношений и так же неизбежно приведет к перемене взглядов на систему прав человека и механизмы их обеспечения. Не прибегая к радикализации позиций по поводу рефлексии проблемы цифровизации в правозащитной деятельности, считаем важным рекомендовать более комплексно учитывать объективные научные знания в юридическом прогнозировании, а также реализовывать меры по адаптации правозащитных систем к цифровым реалиям, чтобы пользоваться их преимуществами, а нивелируя возможные негативные воздействия.

Литература

1. Гурьянова А.В., Тимофеев А.В. О предназначении философии и гуманитарного знания в эпоху цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки. 2020. № 3. С. 70–76. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-70-76
2. Карасев А.Т., Кожевников О.А., Меццержагина В.А. Цифровизация правоотношений и ее влияние на реализацию отдельных конституционных прав граждан в Российской Федерации // Антиномии. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 99–119. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00005
3. Зенков А.Р. Цифровизация образования: направления, возможности, риски // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Проблемы высшего образования. 2020. № 1. С. 52–55. EDN HIZJJV.
4. Риски криптовалют и возможные меры регулирования: доклад для общественных консультаций. М. : Банк России, 2022. 36 с. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 17.12.2022).
5. Dumitrescu G.C. Bitcoin – a brief analysis of the advantages and disadvantages // Global Economic Observer. 2017. Vol. 5. No. 2. Pp. 63–71. URL: <https://econpapers.repec.org/article/ntuntungeo/vol5-iss2-17-063.htm> (дата обращения: 17.12.2022).

6. *Bélanger F., Crossler R.E.* Privacy in the digital age: A review of information privacy research in information systems // *MIS quarterly*. 2011. Pp. 1017–1041. URL: <http://hdl.handle.net/10919/81984> (дата обращения: 17.12.2022).
7. *Sidorenko E.L., von Arx P.* Transformation of law in the context of digitalization: Defining the correct priorities // *Digital Law Journal*. 2020. Vol. 1. No. 1. Pp. 24–38. DOI: 10.38044/DLJ-2020-1-1-24-38
8. *Seubert S., Becker C.* The democratic impact of strengthening European fundamental rights in the digital age: The example of privacy protection // *German Law Journal*. 2021. Vol. 22. No. 1. Pp. 31–44. DOI: 10.1017/glj.2020.101
9. *Motalebi Galgezani Y.* Jurisprudential-legal necessity of using the smart contract model with the aim of eliminating formal transactions and its effect on the future of the country // *Iranian Pattern of Progress*. 2022. Vol. 10. No. 4. URL: <https://dorl.net/dor/20.1001.1.23295599.1401.10.4.6.6> (дата обращения: 17.12.2022).
10. *Smirnov D.A., Tereshchenko E.A., Botasheva L.E. et al.* Digital jurisprudence // *Revista Inclusiones: Revista de Humanidades y Ciencias Sociales*. 2020. Vol. 7. No. 1. Pp. 273–283. URL: <https://revistainclusiones.org/index.php/inclu/article/view/37> (дата обращения: 17.12.2022).

References

1. Gur'janova A.V., Timofeev A.V. (2020) O prednaznachenii filosofii i gumanitarnogo znaniya v jepohu cifrovizacii [On the purpose of philosophy and humanitarian knowledge in the era of digitalization]. *Bulletin of the Moscow State Region University. Series: Philosophy*. No. 3. Pp. 70–76. DOI: 10.18384/2310-7227-2020-3-70-76 (In Russian).
2. Karasev A.T., Kozhevnikov O.A., Meshcherjagina V.A. (2019) Cifrovizacija pravootnoshenij i ee vlijanie na realizaciju otдел'nyh konstitucionnyh prav grazhdan v Rossijskoj Federacii [Digitalization of legal relations and its impact on the implementation of certain constitutional rights of citizens in the Russian Federation] *Antinomies*. Vol. 19. Iss. 3. Pp. 99–119. DOI: 10.24411/2686-7206-2019-00005 (In Russian).
3. Zenkov A.R. (2020) Cifrovizacija obrazovanija: napravlenija, vozmozhnosti, riski [Digitalization of education: Directions, opportunities, risks]. *Proceedings of the Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*. No. 1. Pp. 52–55. (In Russian).
4. *Cryptocurrency Risks and Possible Regulatory Measures: A Report for Public Consultations*. Moscow : Bank Rossii, 2022. 36 p. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (date of access: 17.12.2022). (In Russian).
5. Dumitrescu G.C. (2017) Bitcoin – a brief analysis of the advantages and disadvantages. *Global Economic Observer*. Vol. 5. No. 2. Pp. 63–71. URL: <https://econpapers.repec.org/article/ntuntugeo/vol5-iss2-17-063.htm> (date of access: 17.12.2022).
6. *Bélanger F., Crossler R.E.* (2011) Privacy in the digital age: A review of information privacy research in information systems. *MIS quarterly*. Pp. 1017–1041. URL: <http://hdl.handle.net/10919/81984> (date of access: 17.12.2022).
7. *Sidorenko E.L., von Arx P.* (2020) Transformation of law in the context of digitalization: Defining the correct priorities. *Digital Law Journal*. 2020. Vol. 1. No. 1. Pp. 24–38. DOI: 10.38044/DLJ-2020-1-1-24-38
8. *Seubert S., Becker C.* (2021) The democratic impact of strengthening European fundamental rights in the digital age: The example of privacy protection. *German Law Journal*. Vol. 22. No. 1. P. 31–44. DOI: 10.1017/glj.2020.101
9. *Motalebi Galgezani Y.* (2022) Jurisprudential-legal necessity of using the smart contract model with the aim of eliminating formal transactions and its effect on the future of the country. *Iranian Pattern of Progress*. Vol. 10. No. 4. URL: <https://dorl.net/dor/20.1001.1.23295599.1401.10.4.6.6> (date of access: 17.12.2022).
10. *Smirnov D.A., Tereshchenko E.A., Botasheva L.E. et al.* (2020). Digital jurisprudence. *Revista Inclusiones: Revista de Humanidades y Ciencias Sociales*. Vol. 7. No. 1. Pp. 273–283. URL: <https://revistainclusiones.org/index.php/inclu/article/view/37> (date of access: 17.12.2022).